

С. КРИПКЕ: СЕМАНТИКА МОДЕЛЬНОЙ ЛОГИКИ И ТЕОРИЯ РЕФЕРЕНЦИИ

Дан общий очерк интерпретации референции на основе семантики возможных миров С. Крипке. Дается характеристика теории референции терминов, выступающих жесткими десигнаторами, и анализируется ее связь с метафизической интерпретацией семантики возможных миров.

Ключевые слова: *теория референции, семантика возможных миров, твердые десигнаторы.*

Аналитическая философия традиционно подчеркивает свой антиметафизический характер. Избегание обширных спекуляций, ориентация на достижения позитивных наук даже в случае, когда речь идет о решении традиционных философских проблем, являются принципами аналитического философа. Вместе с тем уже с середины XX в. становится ясной невозможность элиминации метафизики; математическая логика, выполнявшая роль «бритвы Оккама», при содержательной интерпретации полученных результатов влечет метафизические по своей сути обязательства. Ярким примером этого является семантика возможных миров и ее использование в теории референции. Каузальная теория референции С. Крипке и его же теория жестких десигнаторов является результатом работы в области модельной логики. Сам С. Крипке неоднократно подчеркивал эту связь. Вместе с тем природа такой связи и обоснованность содержательных философских интерпретаций семантики возможных миров, предложенных им, требует своего прояснения.

Разработка в 70-е гг. XX в. так называемых новых концепций референции философами, принадлежащими к аналитической философии, получила некоторое освещение в отечественной философской литературе. Но в основном разработки Х. Патнема, С. Крипке, К. Доннелана анализировались в контексте истории развития теории референции в XX в. Соблюдение такого исторически ориентированного анализа представляется необходимым в условиях отсутствия переводов на русский язык сочинений интересующих нас философов. Но в настоящее время отечественной философской публике стали доступны как переводы на русский язык некоторых работ представителей новой концепции референции, так и достаточно большое количество их работ на английском языке. Это приводит к тому, что появляются обширные исследования, посвященные тому или иному философу персонально, отражающие его творчество более полно, чем по необходимости сжатый исторический очерк. Среди таких работ можно указать прежде всего монографию Макеевой, посвященную Х. Патнему¹.

Знакомство с такими работами рисует следующую картину. Практически ни одно серьезное философское исследование, посвященное современным проблемам философии языка, логической семантики, модальной логики не может не содержать в себе ссылок на работы С. Крипке. В то же время философия Крипке в целом ни разу не выступала в качестве предмета исследования сама по себе. Во многом это объясняется тем, что практически все важнейшие работы Крипке являются записью его лекций, а не работами, специально написанными для

См.: Макеева Л.Б. Философия Х. Патнема. М., 1996.

публикации. Поэтому зачастую сложно представить его философскую позицию иначе, чем посредством суммирования его разработок и предлагаемых им решений актуальных проблем современной философии. Тем не менее такая работа представляется необходимой.

Данная статья не претендует на то, чтобы восполнить недостаток исследований, посвященных философии Крипке. Ее целью скорее является лишь попытка обнаружения подхода к выполнению этой задачи. Автор работы полагает, что цель будет достигнута в том случае, если удастся осветить вклад С. Крипке в разработку важнейших проблем современной философии и логики и выявить возможную взаимосвязь в их разработке. Таким образом, в итоге мы должны получить набросок своего рода карты современных проблем аналитической философии и модальной логики, на которой нам необходимо выделить «территорию Крипке» — обозначить его подходы к решению некоторых проблем философии языка и модальной логики. По необходимости на этой «карте» у Крипке будут соседи, и нам придется соотнести философию Крипке с работами близких ему по разрабатываемой проблематике философами.

Семантика возможных миров С. Крипке. В отечественной философской литературе подчеркивается, что разработка Крипке каузальной теории референции была вызвана его логическими исследованиями — разработкой семантики для кванторной модальной логики. Поэтому обращение к позиции, занимаемой Крипке в трактовке важнейших проблем модальной логики — трактовка понятия «возможного мира», проблема возможности идентификации индивида в возможных мирах и пр., — становится необходимой для более полного понимания подхода Крипке при решении проблем философии языка.

Модальная логика является со второй половины XX в. наиболее интенсивно развивающейся отраслью математической логики. Стремясь определить условия истинности модальных высказываний, логика обращается к понятию возможного мира. Сохранение традиционной концепции истины как соответствия пропозиции наличному положению дел сталкивается с большими трудностями при анализе утверждений, содержащих высказывания о будущем или прошлом, модальных утверждений о необходимом, возможном или случайном. Непонятно, с чем в действительности мы можем сопоставить подобного рода утверждения. Для распространения традиционной концепции истины на модальные контексты используется понятие возможного мира: «Сохраняется классическая концепция истинности, но для ее сохранения при переходе к модальным и временным контекстам приходится учитывать отношения между возможными состояниями действительности, или, как говорят, между возможными мирами» [3, с. 76]. Возможный мир не следует понимать как какой-либо мир, параллельный нашему, существующий независимо наряду с реальным миром. Философия и модальная логика понимает под возможным миром альтернативные пути развития ситуаций реального мира: «“Возможные миры” моделируют перебор обстоятельств, альтернативных положений дел, возможных относительно данного состояния или относительно некоторых фиксированных условий» [3, с. 76]. Использование понятия «возможный мир» представляется исключительно продуктивным при анализе многих проблем философии. Так, Я. Хинтикка указывает на то обстоятельство, что большое количество важнейших понятий, причем используемых не только философией, могут содержать в себе «модальную

компоненту» (наряду с «дескриптивной»). «Различие этих компонент можно охарактеризовать следующим образом: зачастую способ использования того или иного понятия можно проанализировать, констатируя в начале, что с помощью этого понятия описывается одно или несколько положений дел (возможных направлений развития событий), а затем нечто высказать по их поводу. Так, например, можно высказать одобрение или неодобрение рассматриваемому положению дел, квалифицировать его реализацию как физически невозможную, утверждать, что оно имеет место и т.п.» [5, с. 38]. Поэтому, если мы соглашаемся с подходом Хинтикки, нам остается принять его программу логического анализа важнейших понятий, которая предполагает предварительное изучение понятия «возможный мир». Такое изучение, в свою очередь, выдвигает требование «описания» возможного мира, дать которое претендует семантика возможных миров.

Три наиболее интересных подхода в разработке семантики возможных миров — подходы С. Крипке, Д. Льюиса и Я. Хинтикки — в качестве одной из центральных проблем семантики возможных миров рассматривают проблему идентификации индивида в возможных мирах. Из этих трех подходов наиболее продуктивными считаются подходы Крипке и Хинтикки: «Сопоставление этих имен не случайно, оба являются пионерами в построении семантики для кванторной модальной логики ... Сравнение и оценка двух подходов представляет несомненный интерес при условии понимания того, насколько далеки эти концепции друг от друга» [6, с. 114]. На них мы и сосредоточим свое внимание, отдавая приоритет семантике возможных миров Крипке.

Различие подходов Крипке и Хинтикки во многом объясняется тем, какое понятие каждый из них рассматривает в качестве первичного при разработке семантики возможных миров — понятие возможного мира, или понятие действительного мира. Хинтикка считает, что возможные миры первичны по отношению к действительному миру. Кроме того, в его концепции возможный мир — это прежде всего эпистемически возможный мир. По мнению Хинтикки, рассматриваемые возможные миры должны быть совместимы с пропозициональной установкой: «Следует заметить, что понятие «совместимо с тем, что воспринимает a », может быть принято в качестве неанализируемого. Знать, что некто, скажем, a , воспринимает в мире W , значит знать то, что «совместимо с тем, что он воспринимает» среди других возможных миров $W1$, а последнее понятие — отношение между возможными мирами W и $W1$ — оказывается более плодотворным для целей семантического анализа» (цит. по [6, с. 103]). По мнению Хинтикки, эпистемически возможный мир задается с помощью языковых альтернатив, переносимых в мир. Имеется неполное множество непротиворечивых предложений. А возможный мир — это то, что описывает такое множество. Но, по мнению Хинтикки, решить проблему прослеживания индивида в возможных мирах как языковых альтернативах невозможно. Для решения проблемы указания на объект в возможных мирах Хинтикка предлагает концепцию индивидуализирующих функций. Но рассмотрение этой концепции уведет нас далеко от цели данной работы, поэтому обсуждение семантики возможных миров Хинтикки мы завершим рассмотрением его мнения об объективности понятия возможных миров.

Первичность возможных миров в концепции Хинтикки ни в коем случае не предполагает метафизической первичности возможного мира, напомним, что для

Хинтикки возможный мир — это эпистемический мир. В то же время Хинтикка убежден в определенном статусе его объективности. Сам он так говорит об этом: «Эти возможные миры и набор индивидуирующих функций, служащих установлению взаимоотношений элементов этих миров, могут иметь и, на мой взгляд, имеют-таки статус некоего проявления (sort) объективной реальности. Однако, их существование не является «натуральной вещью». Они могут быть также безусловно объективны, как дома или книги, но, несомненно, они созданы людьми для взаимодействия с реальностью» (цит. по [6, с. 104]). Хинтикка утверждает, что возможный мир нам в гораздо большей степени знаком и близок, чем это кажется. Очень многое из того, о чем мы говорим практически ежедневно, логиком может быть эксплицировано в терминах «возможных миров». Таковы, например, наши рассуждения о возможных состояниях погоды и многое другое.

Подход С. Крипке к построению семантики для кванторной модальной логики существенно отличается от подхода Хинтикки. Это различие отчетливо проявляется и в трактовке понятия «возможный мир», которое он предлагает.

Прежде всего Крипке ставит под сомнение значимость (и правомерность) разговора о возможных мирах как альтернативных реальному миру. Он утверждает, что нельзя уподоблять возможный мир реальному, нельзя уподоблять себя наблюдателю, находящемуся на территории «возможного мира»: «Возможный мир не есть отдельная страна, на которую мы наталкиваемся или которую обзираем в подзорную трубу. Вообще говоря, другой возможный мир находится слишком далеко от нас. ...Возможный мир задается дескриптивными условиями, которые мы с ним «ассоциируем» [8, с. 267]. Таким образом, Крипке связывает понятие «возможного мира» с дескриптивными средствами языка. В этом его концепция близка позиции Хинтикки, но близость эта лишь кажущаяся. Такое понимание «природы» возможного мира определяет позицию Крипке при построении семантики возможных миров. Особенностью его трактовки соотношения понятий «возможный мир» и «индивид» является то, что для него первичным выступает понятие индивида, а понятие возможного мира ставится в зависимость от него. Для Хинтикки же отношение между этими понятиями обратное — само понятие индивида ставится в зависимость от понятия возможного мира. Такая особенность позиции Крипке находит свое отражение в предлагаемом им решении проблемы идентификации индивида в возможных мирах.

Крипке считает, что нам необходимо избавиться от укоренившегося предрассудка, для обозначения которого мы рискуем предложить наименование «стереотип подзорной трубы». Сам Крипке так описывает этот стереотип: «Мне кажется, что все, кто так рассуждает (имеются в виду сторонники идеи Д. Льюиса прослеживания индивида в возможных мирах как определения дубликатов объектов реального мира. — А.Х.), как-то слишком буквально понимают метафорическое выражение «возможные миры». Как будто «возможный мир» — это что-то вроде другой страны или отдаленной планеты, а действующие в нем лица едва различимы через телескоп» [1, с. 354]. Для того чтобы избавиться от нежелательных ассоциаций, связанных с понятием «возможный мир» и обусловивших собой появление этого стереотипа, Крипке предлагает заменить выражение «возможный мир» другим — «контрфактическая ситуация». Но более того, по его мнению, «стереотип подзорной трубы» имплицитно содержит в себе требование качественного описания контрфактических ситуаций. Крипке убеж-

ден, что такое понимание процедуры описания возможного мира и ставит псевдопроблему идентификации индивида. Свою мысль Крипке иллюстрирует с помощью примера, который мы позволим себе привести. Допустим, имеется модальное высказывание — «Никсон мог бы провести кандидатуру Красвелла, если бы сделал то-то и то-то». Принятие «стереотипа подзорной трубы» обязывает нас ответить на следующий вопрос: «Как установить, что человек, о котором идет речь, действительно является Никсоном?» В качестве удовлетворительного ответа предполагается описание процедуры установления дубликата в «далеком» возможном мире. Крипке категорически не согласен с подобным ходом рассуждения: «Такие эпистемологические вопросы неприменимы к возможным мирам. ...Когда мы говорим: «Если бы Никсон подкупил такого-то сенатора, то он мог бы добиться назначения Красвелла», то в описании этой ситуации *задано* то, что это такая ситуация, в которой мы говорим о Никсоне и о Красвелле и о таком-то сенаторе. А если мы *ставим условием*, что мы говорим об определенных *людях*, то это, по-видимому, не вызовет таких возражений, как если бы мы ставили условием, что мы говорим об определенных *качествах*»².

Из сказанного уже становится ясным, что при анализе возможных миров для Крипке исходным выступает актуальный мир, а возможный мир рассматривается как актуально нереализованная возможность этого мира. Интерпретация модальных структур Крипке имеет следующий вид.

Задается непустое множество K , которое интуитивно понимается как множество возможных миров, каждый из которых определен относительно составляющих его элементов — объектов, свойств, отношений и пр. Произвольность в задавании возможного мира ограничена лишь одним условием — требованием непротиворечивости. После этого во множестве K выбирается элемент G , который получает интерпретацию как актуальный мир, причем выбор G в качестве актуального мира не обусловлен какими-либо логическим требованиями. Далее, задается отношение $w_1 R w_2$, которое интерпретируется как «мир w_2 возможен (или достижим) относительно мира w_1 ». Таким образом, множество K задает множество возможных миров, возможных относительно друг друга. R — рефлексивное отношение на множестве, причем «отношение R , по мнению Крипке, снимает «абсолютность понятия» возможного мира и заменяет его «релятивизированным»: мир становится возможным относительно некоторого другого» [4, с. 130]. Таким образом, нормальная модельная структура понимается Крипке как упорядоченная тройка (G, K, R) .

Исходя из этого, модель для формулы A дается функцией $\Phi(P, H)$, где область изменения P — атомарные формулы в A , а H — члены K . Значение функции — члены множества $\{T, F\}$. Для некоторой формулы A функция $\Phi(A, H)$ посредством определенной процедуры приписывания принимает истинностное значение «истина» или «ложь» для каждого $H \in K$ говорится, что A истинна в модели Φ , связанной с модельной структурой (G, K, R) , если $\Phi(A, H)$ принимает значение «истина», и ложна в этой модели, если $\Phi(A, G)$ принимает

² Курсив во всех случаях принадлежит С. Крипке.

значение «ложь». Таким образом, формула A общезначима, если и только если она истинна во всех ее моделях³.

При анализе проблемы прослеживания индивида в возможных мирах Крипке исходит из введенного им понятия «твердый десигнатор». Твердые десигнаторы представляют собой имена, обеспечивающие указания на один и тот же объект во всех возможных мирах. Поэтому, если имеются такие «твердые десигнаторы», сама проблема идентификации индивида в возможных мирах становится псевдопроблемой. Введение Крипке понятия твердого десигнатора объясняется его убежденностью в первичности понятия индивида относительно понятия возможного мира: «Мы можем указать на объект и спросить, что могло бы случиться с ним. Поэтому мы не начинаем с миров (которые предполагаются реальными в каком-то смысле, и чьи качества, а не объекты ощущаемы нами), и затем спрашиваем о критериях распознавания сквозь миры; наоборот, мы начинаем с объектов, которые мы имеем и можем распознавать в реальном мире» (цит. по [7, с. 32]).

Более того, Крипке утверждает, что единственным случаем существования объекта в возможных мирах является математика. Но, помимо этого, сама идея возможности создания процедуры, обеспечивающей идентификацию индивида в возможных мирах, по мнению Крипке, сталкивается с непреодолимыми трудностями. Мы не можем теоретически безупречно выявить все необходимые условия идентификации тел во времени или для определения временного тождества личности, пребывая в реальном мире. Тем более нам трудно выявить все необходимые условия идентификации индивида в возможных мирах.

Введение понятия жесткого десигнатора позволяет избежать всех этих трудностей, порожденных псевдопроблемой прослеживания индивида в возможных мирах. Крипке различает «жесткий» и «нежесткий десигнатор». В качестве примера нежесткого десигнатора Крипке приводит выражение «*изобретатель бифокальных очков*». Данное выражение не обеспечивает указания на одного и того же индивида — Бенджамина Франклина — во всех возможных мирах. Мы можем вообразить мир, в котором данное изобретение сделал бы кто-то другой и в таком случае именно он был бы изобретателем бифокальных очков. «Значит, выражение «изобретатель бифокальных очков» является нежестким десигнатором, и понимать это следует в том смысле, что при одних обстоятельствах изобретателем таких линз мог бы быть один человек, а при других обстоятельствах им мог бы быть другой человек» [1, с. 351]. Примером жесткого десигнатора является выражение «квадратный корень из 25». Данное выражение необходимо, независимо от эмпирических фактов, указывает всегда на одно и то же число — на число 5. Здесь необходимо указать на одно принципиальное для Крипке обстоятельство. Выражение «квадратный корень из 25» необходимо указывает на число 5, и, кроме того, по мнению Крипке, число 5 необходимо существует в возможных мирах (напомним: Крипке считает, что единственным случаем, когда объекты даны в рамках возможного мира, является математика). Но в целом — если пренебречь утверждениями математики — понятие твердого десигнатора не предполагает, что указываемый с его помощью объект необходимо существует во всех возможных мирах. Крипке так говорит об этом обстоятель-

³ Детальное обсуждение семантики для модальной логики Крипке см. в [7], из этого издания взято приведенное выше описание.

стве: «Что касается понятия жесткого десигнатора, то в моем употреблении оно не предполагает, что существование обозначаемого им объекта необходимо. Я имею в виду, что в любом возможном мире, где этот объект существует, в любой ситуации, где этот объект мог бы существовать, для его обозначения мы пользуемся жестким десигнатором» [1, с. 352–353].

В связи с тем, что рассмотрение семантики возможных миров Крипке изолированно от других философских проблем не сможет осветить весь спектр его философских интересов, мы вынуждены закончить это более чем схематичное обсуждение разработки Крипке проблем модальной логики. Завершая рассмотрение вклада Крипке в разработку семантики возможных миров, следует сказать, что хотя подходы Крипке и Хинтикки можно рассматривать как противоположные, они являются наиболее популярными среди большинства логиков. Эти два подхода как бы поделили между собой основные проблемы современной логики: «Семантика Крипке предпочитается логиками для разработки методов разрешимости и доказательства полноты модальных систем, в построении семантик для интуиционистских систем и нестандартных систем логики вообще. Для анализа философских проблем семантики возможных миров более предпочтителен подход Хинтикки» [7, с. 8].

Само рассмотрение нами семантики возможных миров Крипке было подчинено анализу основных понятий, которые им вводились для построения семантики модальной логики и были использованы им для создания каузальной теории референции. Таким понятием является понятие жесткого десигнатора. Применение этого понятия выходит за пределы только кванторной модальной логики; в частности, оно легло в основу предложенной Крипке теории собственных имен и каузальной теории референции.

Каузальная теория референции. В современной философии критика Крипке традиционной теории значения зачастую более востребована, чем предложенная им каузальная теория. И нам, для того чтобы понять мотивы, приведшие Крипке к разработке собственной теории референции, следует осветить его критику традиционной теории значения.

Необходимо отметить, что Крипке был не единственным философом, выступившим с критикой теории значения, восходящей к Г. Фреге и Б. Расселу. Наряду с его именем упоминаются имена К. Донеллана и Х. Патнема.

Основные положения традиционной теории значения, которые подверглись критике со стороны представителей «новой теории референции», можно представить в виде следующих тезисов⁴:

1. Значение языкового выражения содержит два компонента: оно обозначает некоторый объект (объекты) и выражает некоторый смысл. При этом понимать языковое выражение — значит знать выражаемый им смысл.

2. Смысл понимается как совокупность дескрипций. Смыслом общего термина является дескрипция свойств, которые присущи всем объектам, входящим в экстенционал термина. Каждое имя собственное считается синонимичным некоторой совокупности дескрипции.

⁴ Основные положения традиционной теории значения заимствованы из книги: *Макеева Л.Б. Философия Х. Патнема. М., 1996. С. 190.*

3. Интенционал термина определяет его экстенционал, т.е. объект входит в экстенционал термина, если он удовлетворяет характеристикам, содержащимся в интенционале термина.

4. Предложение является аналитическим, если его истинность устанавливается на основе интенционалов входящих в него терминов. В соответствии с традиционной трактовкой аналитической истины такое предложение является априорным и необходимым.

Главной мишенью критики для представителей «новой теории референции» выступает так называемый принцип идентифицирующей дескрипции. В соответствии с этим принципом имя обозначает индивида, который удовлетворяет совокупности дескрипций, составляющих интенционал имени. Удовлетворение объекта дескрипциям, составляющим интенционал имени, является необходимым и достаточным условием успешности указания именем на данный объект. Поэтому «возможность указания при таком подходе определяется некоторым уровнем знания об объекте, а сама проблема указания явно имеет эпистемический оттенок» [2, с. 68]. Крипке в качестве критики принципа идентифицирующих дескрипций приводит ряд контрпримеров, демонстрирующих неспособность данного принципа в ряде случаев выделить референт единственным образом.

Первый контрпример Крипке демонстрирует ложность утверждения, что для успешного указания именем нам необходимо знать существенные и несущественные свойства референта имени. Речь идет о примере с именем «Фейнман». Большинство людей, использующих это имя, могут о нем сказать, что оно указывает на «какого-то физика». И хотя они, как правило, не могут отличить Фейнмана от любого другого физика, это не мешает им на практике успешно осуществлять референцию.

Второй контрпример демонстрирует, что даже если мы знаем существенные характеристики референта имени, они могут быть истинны по отношению к другому референту, а не по отношению к тому, который имеет в виду человек, употребляющий это имя. Референция имени «Гедель» осуществляется с традиционной точки зрения при помощи дескрипции «человек, открывший неполноту арифметики». Следует ли отсюда, что индивид, удовлетворяющий дескрипции «человек, открывший неполноту арифметики», — «Гедель»? Допустим, продолжает Крипке, что человеком, открывшим неполноту арифметики, был некто Шмидт, его рукопись каким-то образом оказалась у Геделя, который и опубликовал ее. Применив в данной ситуации принцип идентифицирующих дескрипций, мы вынуждены сказать, что любой, употребляющий имя «Гедель», на самом деле — в силу идентифицирующей дескрипции — хочет указать на Шмидта, так как именно он удовлетворяет дескрипции.

Приведенные контрпримеры позволяют Крипке говорить о несостоятельности определения условий появления референции, даваемых традиционной концепцией собственных имен. Крипке так подводит итог рассмотрения им принципа идентифицирующих дескрипций: «Ошибочна мысль о том, что мы задаем свойства, которые каким-то способом качественно и исключительно выделяют некий предмет и таким образом определяют наше указание» [8, с. 300]. Отвергнув этот принцип традиционной теории собственных имен, Крипке предлагает свою теорию референции. С его точки зрения, успешное указание выражения на объект обеспечивается не тем, что нам известны существенные

свойства объекта, а нашей связью с другими людьми, использующими данное языковое выражение: «В общем случае наше указание зависит не только от того, что мы сами думаем, но и от других людей, от истории того, каким образом имя дошло до говорящего и т.п. Именно следуя этой истории и возможно дойти до указания» [8, с. 300]. Появление указания, утверждает Крипке, происходит в ситуации «первого крещения». Эта ситуация — момент, когда объекту присваивается имя. «Первое крещение» может состояться при непосредственном указании на объект. В других случаях указание может закрепляться дескрипцией, выражающей какое-либо свойство объекта. Важной особенностью каузальной теории референции является то, что, с точки зрения Крипке, ситуация «первого крещения» является теоретически ненагруженной. Это означает, что для появления указания мы не нуждаемся в каком-либо знании об объекте; мы не различаем его существенных и несущественных свойств и не выделяем первые из них для осуществления успешного указания на объект. Данная особенность «первого крещения» позволяет Крипке объяснить тот факт, что зачастую указания осуществляются на основе случайных свойств объекта. Поэтому, даже не зная существенных свойств объекта, мы можем успешно осуществлять к нему референцию (см. пример с «Фейнманом»). Таким образом, именование в теории Крипке выступает единственным способом указания. Причем Крипке значительно расширяет действие процедуры именования. Процедуру «первого крещения» он распространяет и на термины «естественных родов» (natural kinds).

Крипке не дает какого-либо определения естественных родов, но ясно, что «лимон», «тигр», «золото», «тепло» и т.п. выражения являются их примерами. Особенность естественных родов в том, что мы не можем дать исчерпывающее определение рода, на основе которого могли бы безоговорочно идентифицировать объект как принадлежащий роду. Термины естественных родов обладают своего рода «глубиной», что часто приводит к ситуациям, в которых мы испытываем затруднение при попытке включить объект в состав рода. Так, например, затруднения возникают при решении вопроса, включать ли трехногое животное, обладающее всеми остальными характеристиками тигра, в класс тигров (данный пример принадлежит Крипке).

Таким образом, мы можем сказать, что зачастую закрепление указания в случае естественных родов происходит на основе случайных признаков, не обеспечивающих идентификации объекта в контрфактических ситуациях. Но таких затруднений можно избежать, зная необходимые свойства объекта. Еще один пример, используемый Крипке, позволяет нам это увидеть. В ситуации «первого крещения» закрепление термина происходит по случайным свойствам — например, ощущение тепла. Но с течением времени было установлено, что причиной тепловых явлений, вызывающих ощущение тепла, является молекулярное движение. Крипке считает это свойство необходимо истинным и полагает, что мы не в состоянии представить возможный мир, в котором тепло существует иным способом, чем через молекулярное движение. Поэтому «молекулярное движение» и «тепло» Крипке определяет как жесткие десигнаторы, которые вместе составляют необходимое утверждение тождественности.

Только что мы столкнулись с еще одной важной философской проблемой, решение которой предлагает Крипке. Имеется в виду соотношение категорий необходимости и априорности. Хотя их очень часто считают синонимичными

(утверждение, априорно истинное, является необходимо истинным), Крипке настаивает на их разграничении. Он утверждает, что «необходимость» связана с метафизикой, а «априорность» — с эпистемологией. Это значит, что понятие необходимости связано с метафизическим вопросом: «Каким мог бы быть мир, если бы он в чем-то был не таким, каким он нам дан?», а понятие априорности связано с эпистемологическим вопросом: «Что можно узнать о действительном мире и какими путями?» [1, с. 358]. Данное различие необходимости и аналитичности важно, по мнению Крипке, для обоснования понятия сущностных свойств, позволяющих решить проблему вхождения объекта в естественный род в контрфактической ситуации. Проиллюстрируем это с помощью примера Крипке.

Допустим, что мы хотим узнать каковы сущностные свойства стола, находящегося перед нами. Крипке полагает, что к таким свойствам стола относится то, что он сделан не из льда; если бы мы могли вообразить, что стол был сделан из льда, то мы имели бы дело уже не с вот этим столом, находящимся передо мной, а с каким-то другим. «Мы можем вести речь об *этом самом объекте*, а также о том, могли бы у него быть некоторые признаки, которых у него на самом деле нет. К примеру, этот объект мог бы быть не в этой комнате, где он находится на самом деле, а в другой, даже в этот самый момент, но он не мог быть с самого начала сделан из замерзшей воды» [1, с. 360–361]. Не располагая местом для детальной реконструкции рассуждений Крипке, мы укажем на вывод, к которому он приходит: «Понятие сущностных свойств может быть обосновано, только если различают понятия априорной и необходимой истины, и я считаю это понятие обоснованным» [1, с. 361].

Возвращаясь к проблеме естественных родов, мы можем отметить, что, согласно Крипке, тождественность терминов естественных родов как жестких десигнаторов основана на научных данных, выявивших сущностные свойства объектов. В таком случае мы можем говорить о том, что Крипке признает сущности в аристотелевском смысле, понимаемые как совокупность свойств, необходимых для существования объекта естественного рода.

Признание Крипке сущностей в аристотелевском смысле обуславливает такое понимание им значения, при котором значение имени состоит в информации о существенных чертах именуемого объекта.

Такова в самых общих чертах каузальная теория референции Крипке. Нам необходимо указать на те спорные моменты этой теории, которые вызвали критические замечания в ее адрес. Прежде всего это тезис Крипке о теоретической ненагруженности процедуры «первого крещения». Сложно представить полное отсутствие концептуализации акта «крещения»; тот факт, что мы вообще закрепляем референцию по отношению к объекту, предполагает уровень теоретизации, пусть даже самый ничтожный. Видимо, при «нулевой» степени теоретизации при «первом крещении» мы остались бы лишь с пятнами в пространстве (если вспомнить П.Ф. Строссона), лишенными каких-либо свойств, с помощью которых мы могли бы закрепить референцию. Вторым важным вопросом, адресуемый Крипке, связан с терминами естественных родов. В связи с тем, что естественный род получает имя посредством именованного образца этого рода, необходимо определить, что может выступить в качестве такого образца,

каковы его необходимые характеристики, каков способ репрезентации естественного рода образцом.

В самых общих чертах нам удалось представить вклад С. Крипке в разработку двух наиболее важных проблем современной философии и логики — теорию референции и семантику кванторной модальной логики. Данные проблемы далеко не исчерпывают всей философской проблематики, разрабатываемой Крипке. Более того, мы далеки от мысли, что нам удалось исчерпывающе представить указанные выше походы Крипке. Но, смеем надеяться, что связь семантики модальной логики и каузальной теории референции Крипке нам обнаружить удалось. Автор видит следующие возможности в исследовании философии Крипке. Во-первых, это более детальный анализ логических и философских идей С. Крипке, установление их взаимосвязи, исследование теории референции Крипке (особенно интересным представляется сравнительный анализ теорий Крипке и Патнема). Во-вторых, это попытки представить философскую позицию Крипке не как набор мнений по различным вопросам логики и философии, а как целостную логико-философскую теорию.

Библиографический список

1. Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 340–376.
2. Петров В.В. Структура значения: логический анализ. Новосибирск: Наука, 1979. 144 с.
3. Смирнова Е.Д. Семантика возможных миров и обоснование логического знания // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гум. ин-та, 2000. С. 75–90.
4. Солодухин О.А. Два подхода к проблеме оснований логических модальностей // Логика и онтология. М.: Наука, 1978. С. 128–158.
5. Хинтиikka Я. Логика в философии — философия логики // Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С. 35–67.
6. Целищев В.В. Семантика для пропозициональных установок и «твердые десигнаторы» // Логика и онтология. М.: Наука, 1978. С. 94–127.
7. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск: Наука, 1977. 190 с.
8. Kripke S. Naming and Necessity. — In Semantics of Natural Language. D. Davidson, G. Harman (Eds.). D. Reidel, Dordrecht, 1972. P. 253–355.